

Глава 6

1930-е гг.: ВОЗВРАЩЕНИЕ В НАУКУ

1. Основные тенденции развития советской исторической науки в 1930-е гг.

Начало 30-х гг., и в особенности 1934 г., стали поворотными в развитии советской исторической науки. После десятилетия официального доминирования школы Покровского сложилась устойчивая интерпретация отечественного прошлого с негативных позиций как истории господства классовых врагов пролетариата. Подобная точка зрения могла существовать, пока в идеологии коммунистической партии преобладала идея мировой революции и интернационализма. После того как Сталин окончательно получил контроль над партией и страной, а надежды на скорую мировую революцию исчезли, изменился и исторический компонент официальной идеологии: она становится более патриотичной. В собственном прошлом теперь следовало искать не только отрицательные примеры, но и образцы для подражания¹.

Происходившие изменения были закреплены «Замечаниями по поводу конспекта учебников по истории СССР», написанными А.А. Ждановым, И.В. Сталиным и С.М. Кировым². Поколение «красных профессоров» объективно не подходило под эту задачу. По справедливому мнению А.М. Дубровского: «Они были отягощены грузом прежних коммунистических идей и представлений, противоречивших тому, что говорили вожди на новом этапе деятельности партии»³. Известный специалист по истории исторической науки В.Е. Иллерицкий рассуждал в том

---

¹ Константинов С.В. Дореволюционная история России в идеологии ВКП(б) 30-х // Историческая наука России в XX в. М., 1997. С. 220–221. Такой поворот автор работы также связывает и с «преодолением европоцентризма Троцкого».

² К изучению истории. М., 1946.

³ Дубровский А.М. Историк и власть. Брянск, 2005. С. 130.

же ключе: «Возникла необходимость, — писал он, — создания новых трудов на марксистской основе, посвященных кардинальным проблемам истории России. Оказалось, что к этому в большей мере готовы лучшие из историков дореволюционной формации — Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье и др.»¹. Такой поворот событий позволил гуманитариям, сформировавшимся еще в дореволюционное время, занять свою нишу в советской науке. Правда, власть не спешила реабилитировать самых старших представителей дореволюционной исторической науки, видимо, не рассчитывая их «перестроить» в нужном для себя направлении. Так, М.К. Любавский, несмотря на то что были реабилитированы практически все фигуранты дела, так и не получил амнистии. Все его попытки решить вопрос своего возвращения в Москву окончились безрезультатно².

Знаменем времени стало возвращение из ссылки историков «старой школы» и привлечение их в качестве исследователей и преподавателей на работу в государственные учреждения. В 1933 г. из ссылки приехали Готье и Бахрушин, в 1934-м — Яковлев. Вернувшись в науку, мэтры в скором времени оказались в центре научно-исторических и политических дискуссий, ставших характерной чертой эпохи. Но следственное дело и годы в ссылке, естественно, не прошли бесследно. В стихотворении, написанном в 1935 г., Бахрушин признавался:

Я воспитался не для бури...
Зачем же треплет жизнь меня,
Как лодку слабую, в лазури
Внезапно вставшая волна.
Свое для всех! Камней громады,
В ущелье темном клетк орлов
И грохот бурный водопада
Меня страшат...Я не таков³.

Вернувшиеся историки были уже немолоды и хотели спокойно работать. Их привлекли к преподаванию в престижнейшие учебные заведения. Так, Готье преподавал в МИФЛИ, МГИАИ и МГУ, Бахрушин — в МГУ. Особенно тяжело ссылка отразилась на Бахрушине. По наблюдениям его биографа А.М. Дубровского: «Под влиянием страха мысль Бахрушина

---

¹ *Иллерицкий В.Е.* Советская историография отечественной истории: Очерки развития историографии истории СССР (1917–1960 гг.). М., 2006. С. 72.

² См. письма М.К. Любавского А.И. Яковлеву: АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 398.

³ Цит. по: *Дубровский А.М.* Сергей Владимирович Бахрушин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1: Отечественная история. М.; Иерусалим, 2000. С. 197.

утеряла прежнюю свободу. Теперь было важно не впасть в противоречие с буквой марксизма (как его понимали в 1930–1940-х годах), найти подтверждение своим историческим оценкам, идеям, общим построениям в спасительной цитате»¹.

Первоначально к «старым специалистам» относились с подозрением. С.С. Дмитриев, тогда только что поступивший на исторический факультет МГУ, вспоминал, что историки-марксисты (Н.Н. Ванаг и С.М. Дубровский) так и не приняли Бахрушина: «С.В. Бахрушин был в их глазах беспартийный спец, кадет в душе, как они его почти в полголоса и именовали»². Правда через некоторое время, в результате очередного витка репрессий, настало время и для молодых историков-марксистов: их арестовывали так же массово, как в 1930 г. арестовывали историков „старой школы“. Такой поворот событий объективно укреплял позиции старых специалистов, расчищая для них высшие должности в институтах и университетах. Так, после ареста в 1937 г. заведующего кафедрой Истории СССР в МИФЛИ красного профессора С.А. Пионтковского эту должность предложили Готье. По воспоминаниям его бывшей студентки Э.С. Виленской, он говорил ей: «А вы знаете, что они со мной хотят сделать? Назначить заведующим кафедрой. А ведь я в марксизме ни бум-бум»³.

Новое положение потребовало от историков наконец-то определиться в своем отношении к марксизму. Если Готье, Яковлев и Веселовский так и остались на позициях дореволюционного позитивизма, Бахрушин принял многие положения марксистской методологии. Современный исследователь советской историографии Л.А. Сидорова выделила три модели восприятия марксизма: догматическую, творческую и формальную⁴. Очевидно, что первая модель была неприемлема для историков, сформировавшихся в условиях методологического плюрализма начала XX в.

Творческая модель была характерна для Бахрушина. Его интерес к марксизму был обусловлен победой Октябрьской революции. В 1920-е гг., как об этом свидетельствовали его коллеги и он сам, он с вниманием относился к работам тех историков, которых было принято причислять к марксистам. В частности, он признавал влияние Н.А. Рожкова на свое творчество. Тем не менее, процесс усвоения марксизма проходил сложно: данная парадигма так никогда и не стала органичной частью мировоззрения ученого. В то же

---

¹ Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время... С. 82.

² Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева / Публ. Р.Г. Эймонтовой // ОИ. 1999. № 3. С. 158.

³ Цит. по: Дубровский А.М. С.В. Бахрушин — преподаватель Московского университета // АЕ за 2005. М., 2007. С. 324.

⁴ Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений. М., 2008. С. 97.

время хотя бы внешнее следование указаниям классиков марксизма стало неотъемлемой частью его деятельности. М.Н. Тихомиров вспоминал следующий случай: «Шел спор в кабинете Б.Д. Грекова по какому-то вопросу, связанному с историей Киевской Руси. Базилевич присоединился на этот раз не к Бахрушину, а к Грекову. Сергей Владимирович взволновался и вскочил со стула и проговорил своим медово-сладеньким голосом, обозначавшим крайнюю растерянность и неудовольствие: „А Маркс с Вами, Константин Васильевич, не согласен“»¹.

По мере усвоения новых требований укреплялся статус Бахрушина среди советских историков. Его приглашают к работе над учебником по истории СССР под редакцией Б.Д. Грекова², над многотомной «Историей дипломатии». После принятия новых требований росли и личные достижения историка. В 1939 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР. За «Историю дипломатии» в 1942 г. Бахрушин, как член колллектива авторов, был удостоен Сталинской премии.

В отличие от Бахрушина, Веселовский никогда не делал вид, что он принял марксизм. Он даже позволял себе иногда демонстративно бравировать своим неприятием официально признанной методологии. По воспоминаниям В.Б. Кобрин, Веселовский как-то язвительно заметил: «Вот были люди, которые говорили, что они марксисты, и утверждали, что в прошлом России ничего хорошего не было. Потом пришли другие люди и тоже называют себя марксистами, и говорят, что в прошлом в России все было прекрасно. Так если сами марксисты не могут понять, в чем марксизм, что же делать нам, немарксистам?»³. Готье и Яковлев частично приняли правила игры, снабжая свои работы ссылками на классиков марксизма-ленинизма-сталинизма. Но анализ их работ, очевидно, указывает на тесную связь их дореволюционных и постреволюционных исследований.

Символом частичного возвращения к традициям русской историографии стало переиздание некоторых работ С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова, Ю.В. Готье и В.О. Ключевского. В 1937 г. был переиздан «Замосковский край...» Готье. Активное участие московские историки приняли в публикации «Курса лекций по русской истории» своего учителя В.О. Ключевского. Опубликованный в 1937 г. курс лекций был отредактирован и снабжен комментариями. Первый и четвертый том готовил Яковлев, второй и третий — Готье, а пятый — С.К. Богоявленский⁴.

¹ Цит. по: *Дубровский А.М.* С.В. Бахрушин и его время... С. 82.

² *История СССР*. Т. I. М., 1939. Подробнее см.: *Дубровский А.М.* Историк и власть... С. 335–361.

³ *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 171.

⁴ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1937. Ч. I–V.

Очевидно, что ученики Ключевского рассматривали публикацию главного сочинения своего учителя как реабилитацию достижений дореволюционной исторической науки. Не случайно в научно-исторической среде 1930-х гг. «старые специалисты» активно продвигали лозунг «Назад к Ключевскому!».

2. Научная и преподавательская работа в 1930-е гг.

Первые годы после ссылки оказались непростыми. Советская власть не спешила полностью реабилитировать историков. После возвращения Яковлев нашел работу в картографическом тресте, организовав там Бюро иностранной географической транскрипции¹. Специально для Д.И. Ульянова, возглавлявшего библиотечное дело в СССР, он написал обстоятельный доклад «О строительстве библиотек после войны 1914–1918 гг. в Соединенных штатах Америки»², где предложил перенять многое из опыта заокеанских коллег. Кроме этого, он пытался заработать переводами. Им был переведен роман В. Скотта «Айвенго»³. Он даже переводил книги по геологии, химии и медицине⁴. Только в 1938 г. он поступил на работу в созданный в 1936 г. Институт истории АН СССР.

Положение Яковлева после ссылки было достаточно шатким. Пережитые репрессии не могли не отразиться на его психологии. Его друг, академик В.И. Вернадский, в своем дневнике записал следующее: «М[ежду] прочим часто переходит [Яковлев. — В.Т.] на францу[зский] язык, т. к. думает, что во многих домах есть слуховые в стенах устройства для прослушивания. Я думаю, что он пересаливает»⁵. Очевидно, что такая подозрительность — следствие пережитого.

Яковлев активно продолжал заниматься археографией. В это время он начал энергичную деятельность по поиску и изданию исторических источников. Скорее всего, именно в это время ученый приходит к выводу, что введение в научный оборот новых исторических документов является главной задачей историка-профессионала. Объяснение этой позиции мы находим в воспоминаниях известного историка Л.Н. Пушкарева, посвященных годам работы с Яковлевым. В разговорах с молодым сотрудником Института Истории, работавшим под его началом над изданием таможенных книг XVII в., уже маститый историк говорил:

---

¹ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 5.

² Там же. Ед. хр. 44.

³ Там же. Ед. хр. 192–194, 196–197.

⁴ Там же. Ед. хр. 274. Л. 19.

⁵ Вернадский В.И. Дневники. 1935–1941. Кн. 2. М., 2006. С. 210.